

О. П. Шалацкая

Киевские крокодилы

*Крокодилы суть животные
весьма опасные для детей.*
(Из старого учебника)

ЧАСТЬ I

I

По одной недавно еще тихой и малонаселенной улице быстро разраставшегося Киева высился кирпичный пятиэтажный дом, казенной архитектуры, разбитый на множество квартир и кишаший жильцами будто муравейник. В нижнем этаже его приютилась мелочная лавочка с заманчиво размалеванной вывеской, на которой изображался турок, в необычайно широких синих шароварах, раскуривающий кальян. Доморощенный художник, очевидно, силится олицетворить наслаждение на лице восточного человека, но у него получилось вместо наслаждения тупое страдание. На другой половине вывески, разделенной входной дверью, красовались намалеванные булки, колбаса, чай, сахар и прочие заманчивые снеди.

Из маленькой квартиры в пятом этаже, по каменной винтообразной лестнице, спустилась молодая девушка в легкой драповой кофточке и белом шерстяном платке. Она спешила в мелочную лавочку.

За прилавком стояла толстуха лет сорока пяти в просторной кацавейке. Лавочницу звали Агафьей Гурьевной Тихоновой. Бакалейными товарами она торговала добрую половину своей жизни по разным концам Киева; здесь же обосновалась недавно, но успела зарекомендовать себя и дела ее шли бойко. В оборот она пускала довольно солидный капитал и ее лавочка считалась лучшей в околотке; там всегда можно было достать более доброкачественные продукты, притом Агафья Гурьевна не обвешивала так, как прочие торговцы,

Молодая девушка торопливо вошла в лавку.

— Отпустите мне полфунта сладкого миндаля, — сказала она.

Лавочница повернула широкую спину к расположенным по стене полкам, отыскивая требуемый товар.

— Как здоровье мамаша, лучше ли ей? — участливо осведомилась Агафья Гурьевна. — Я видела доктора, не к вам ли он шел?

— Да, к нам. Маме плохо, очень плохо. Доктор прописал новые лекарства и для питья миндальное молоко, — отвечала девушка. — Вот я куплю у вас миндаль и попробую ей это сделать.

— Миндальное молоко смягчает боль в груди, — одобрила лавочница. — Знаете ли вы, как его готовить?

— Знаю. Прошу вас — отпустите скорей, я оставила маму одну.

— Сейчас. Куда же я его заставила, не припомню. Это горький, а вам надо сладкого, — говорила Тихонова, перебирая стеклянные банки на полках. — Вот он.

В лавку ворвалась горничная, проживающая в том же доме, у чиновника Недригайлова, служащего секретарем в одном учреждении.

— Тетя, дайте мне скорее булок, сухарей и сахару. Барин сейчас отправляется на вечерние занятия и самовар кипит уже на столе, — зататорила она.

— Подожди малость: — прежде отпущу барышню, у них мамаша больна, — отозвалась лавочница.

— Ах, тетя, право некогда: барыня рассердится, я должна спешить, — торопила лавочницу горничная, прыгая от нетерпения.

— Погуляй немного, сейчас сюда кавалеры придут, — отвечала Тихонова, отведывая миндаль.

— Ну, тетя, и скажут же! — взвизгнула горничная; видно было, что острога лавочницы вполне пришлась по ее вкусу. — Легок на помине кавалер, — говорила лавочница, увидя входящего в дверь дворника дома, молодого парня по имени Захара.

— Две бутылки фиалки, — сказал тот.

Агафья Гурьевна также попросила его подождать, вручила девушке сверток и сдачу с рубля, говоря:

— Может быть, вам одолжить ступку для толчения миндаля?

— Благодарю вас.

— Вообще, все, что нужно, барышня, не церемоньтесь, пожалуйста, приходите ко мне и я дам. Я от всей души готова услужить людям в вашем положении.

— Нам пока ничего не надо, — отвечала девушка и хотела уйти,

— Барышня! — остановил ее дворник: наш управляющий собирается к вам прийти сказать, чтобы вы свою больную мамашу не держали в квартире, потому что она долго хворает, почитай с осени, на жильцов

журьбу и сомнение наводит. Лучше вам их в больницу отправить до Княгини, что ль. Там бедных принимают бесплатно.

— У мамы болезнь не заразительная, у нас бывает доктор и ничего не говорит, — сказала девушка, — наконец, я ни за что не соглашусь расстаться с нею.

— Как хотите, только к вам сам управляющий придет и попросит очистить квартиру. Он уже не раз осведомлялся у меня: умерла ли старушка и отчего она так долго болеет.

— Бога ты не боишься! Куда же они зимой денутся с большой старухой? — вступилась лавочница. — Чего он хочет, твой поляк?

— Потому жильцы сомневаются, могут квартиры запустовать, — пробормотал дворник.

— Моя барыня такая капризная, — фамильярным тоном обращаясь к девушке, заговорила горничная, — жаловалась управляющему: помешала ей чем-то ваша мамаша. «Все стонет», говорит, «противная старуха»; как будто сама не думает умирать.

Молодая девушка повернулась, чтобы выйти из лавки, глаза ее наполнились слезами и она боялась разрыдаться здесь.

— Не беспокойтесь, барышня: — затворив лавочку, я зайду к вам, не будете спать? Впрочем, какой там сон возле больного человека.

— Зайдите, — отвечала девушка, поспешно удаляясь и крепко прижимая сверток к груди, где она ощущала уясную ноющую боль.

— Вот несчастная! — со вздохом отозвалась лавочница, обращаясь к покупателю — дворнику и горничной: — в таком возрасте лишиться матери.

— Не век же жить старухе, — возразил дворник, — пора помирать. Барышне, чай, лет 17 будет, а я так от своей матери остался трех годов, совсем не помню ее. Жених найдется, али там содержатель какой; наш поляк не прочь взять ее. Он все у меня расспрашивает, как барышня Осиевская поживает, и ждет не дожидется старухиной смерти.

— Вон оно что! Барышня не согласится еще, — оборвала лавочница.

— Нужно заставит, коли день, другой посидит не евши, — отвечал Захар, принимая в руки бутылки.

— На место поступит, заработает хлеб.

— Пускай, мне нужды-то мало, — отвечал Захар, удаляясь с покупками и хлопая дверью.

— Болван, — произнесла Агафья Гурьевна, сдвигая густые брови, причем какая-то мысль проползла по ее лицу и заставила ее сделаться рассеянной на некоторое время.

— Ах, тебе кренделей и булок и что еще? Давай книжку, запишу, когда же отдадут деньги, — говорила она горничной чиновника Недригайлова.

— Как твои господа поживают, что делает барыня? — допытывалась Тихонова, концентрируя таким образом все сплетни вокруг себя.

— Барыня все чего-то злится, ругает барина, бьет детей, выгоняет ко мне в кухню, а сама запрется в своей комнате, книжки читает, или наряды перебирает.

— За что же она ссорится с бариним?

— Ей хочется бывать в театрах, носить дорогие платья, а у барина не хватает средств. Он получает сто рублей в месяц. Я сама слышала — она его упрекала, недостает денег на хозяйство, того не за что купить, другого. А он — что ж делать, Сонечка? где взять? не идти же красть, я ведь чиновник. Она ему еще что-то говорила, указывала на других господ, которые хорошо живут, имеют много прислуг, мамку, а у нас одна несчастная Луша... Это на меня-то. Взятко я, душенька, не могу брать, возражает барин; она так зло и ехидно засмеялась и обозвала его каким-то словом.

— Чего ей надо? кусок хлеба имеет, у других и этого нет, — рассудила Агафья Гурьевна, все еще что-то обдумывая. — Разве то — молода, хочется побывать в обществе, на людей посмотреть и себя показать, а этого нельзя.

— Ну да, оттого-то она и злится, что не за что; квартира стоит тридцать рублей в месяц, каждый день на базар более рубля выходит, то дров купят, или еще что-нибудь и концы с концами не сводят. Отворила она раз гардероб свой и начала перебирать платья, вынула одно ситцевое, изорвала на клочки, лоскутья отдала детям, после чего перепорола их и выгнала ко мне в кухню. Дети плачут, я дала им скушать по котлетке, они будто утешились. Она ж потом меня упрекала, зачем, мол, котлеты поела; я молчу.

Молодая девушка поднялась по лестнице в пятый этаж, тихими шагами пошла к своей квартирке и остановилась отпереть ее.

Из дверей соседней квартиры выглянула молодая женщина в кокетливом пеньюаре, с пышно причесанными волосами, напудренным лицом и сказала:

— Вы, милая моя, не видели нашей прислуги? — вероятно, все сплетничает с лавочницей.

Девушка сделала вид, будто не слышит этих слов. Во-первых, ей не понравилось обращение: «милая моя»; разве я прислуга? — подумала она, а во-вторых, капризная чиновница преследовала ее больную мать.

— На сплетни все имеют уши и язык, — обиженно произнесла дама и затворила за собой дверь.

Молодая девушка также вошла в свою маленькую квартирку, зажгла лампочку, поставила самовар, подложила угольев, раздула его и приготовилась чистить миндаль.

В следующей комнате перед иконой теплилась лампадка. На постели, прикрытая ватным одеялом, лежала старушка с морщинистым исхудалым лицом, заострившимся носом и тяжело дышала.

— Ты, Лида? — спросила она, раскидывая по одеялу свои руки.

— Я, мамочка. Сейчас приготовлю тебе лекарство, — отвечала девушка.

— Дай... пить... — с трудом произнесла больная. Лидия поднесла к запекшимся губам матери стакан с водой. Старушка жадно припала к нему, отпила два-три глотка и опять откинулась головой на подушку.

— Ох, тяжело мне, не знаю, переживу ли эту ночь, — говорила больная. — Как ты, моя бедная детка, останешься! Никого у тебя нет... ни одной родной души. Съедят тебя злые люди... и кости мои в могиле будут переворачиваться.

— Не говори так, мамочка, может быть, тебе станет лучше, примешь микстуру, которую тебе прописал доктор, — сказала Лида.

— Нет, ничто уж не поможет, чувствую, что смерть пришла, — оставлю тебя одну, — стонала старуха.

— И я с тобой умру, мамочка, — заплакала Лида.

— Ты молода, тебе нужно жить, только будь осмотрительна, Лидочка, не слушай злых людей, а помни все, что тебе говорила мать, поступай так, как тебе подскажет добрый голос твоего сердца. Сердце у тебя хорошее, оно не обманет тебя. Постарайся найти место себе, работай и молись за меня...

— Всегда, мамочка. Могу ли я когда-нибудь забыть тебя?

— Будь умницей, доброй и хорошей. Помни, что здесь на земле временная жизнь, временные лишения и мучения, а там, куда я иду, для души бесконечная жизнь. Не делай ничего худого, старайся всеми силами избегать злых людей, а добрых слушайся.

Она застонала и схватилась руками за грудь.

Разговор утомил больную. Она сомкнула глаза и погрузилась в полузабытье.

Лида, стараясь все делать бесшумно, принялась готовить миндальное питье.

Она обварила кипяченой водой миндаль, после чего присела очищать его от шелухи.

Слезы оросили лицо девушки, она горько плакала, чуя неминуемую беду. Умрет ее дорогая старушка...

Доктор сегодня, нахмутив брови, на ее тревожный вопрос сказал:

— Плохо, очень больна...

Ему все равно, будет ли жива старушка или умрет, всем безразлично, только у ней разрывается сердце, а помочь она ничем не может. Если бы можно было половину своей молодой жизни отдать за спасение матери, она бы не задумываясь это сделала. Даже всей своей жизнью она пожертвовала бы для матери; зачем ей жить одной без ее дорогого друга?

Никому не нужна ее больная. Недригайлова сердится даже, что старушка стонет, и просила управляющего выселить их из квартиры. Есть же такие нехорошие злые люди! Только лавочница, Агафья Гурьевна, кажется, добрая и сочувствует им немного...

Лида тяжело вздохнула и принялась растирать миндаль железным пестиком, обращая его в мягкую, рыхлую массу.

В дверь кто-то постучал

— Кто там? — спросила Лидия.

— Это я, панна Осиевская, управляющий дома. Будьте добры, отворите, — раздался вкрадчивый голос.

Лидия сняла крючок. В комнату вошел господин лет 42, с лисьей физиономией, рыжими, слегка подфабреными усами. Дорогая енотовая шуба, составлявшая, как видно, его гордость, была накинута на плечи. Грудь, облаченная в белую манишку, оставалась открытой; по жилету протянулась толстая золотая цепочка от часов. На указательном пальце блистал перстень.

— Честь имею кланяться и просить извинения у панны, что зашел, так сказать, мимоходом. Видите ли: некоторые жильцы изъявляют претензию, неосновательную по моему личному мнению, будто ваша мамаша долгое время болеет опасною болезнью, и просят меня, чтобы я предложил вам перейти на другую квартиру. Но я отвечал, что скорее высею всех их, нежели откажу вам: так как я человек с большим добрым сердцем и всегда вхожу в положение людей. Собственно говоря, я зашел осведомиться о здоровье пани и сказать вам, может быть, ее удобнее поместить в больницу, то с своей стороны готов предложить закрытый экипаж, весьма удобный...

— Нет, я не буду помещать мать в больницу, а сама хочу за ней ухаживать. Меня прошу не беспокоить; деньги за квартиру вам уплачены и я нахожу, что нам больше не о чем разговаривать, — ответила Лидия, гордо вскидывая голову.

— Деньги всегда можно вернуть, — возразил пан с лисьей физиономией и вышел.

Лидия, дрожа от негодования, заперла за ним дверь, упала на топчан и разрыдалась.

Больная застонала. Девушка отерла слезы и бросилась к старушке.

— Мамочка, вот миндальное молоко, выпей, может быть, боль в груди облегчится, — сказала она, поднося к губам матери стакан с питьем.

Старушка жестом отстранила его от себя.

— Поздно уже, ничего не поможет. Священника позови... завтра утром, если только доживу... нечем дышать.

II

Лидия припала к больной, иссохшей груди матери, дававшей ей некогда жизнь, и прислушалась, как слабо, точно отрываясь, билось ее сердце. В то же время она взяла руку матери и старалась согреть ее своим дыханием. Горячие слезы оросили худую, изможденную руку со слабо бьющимся пульсом...

— Дорогая мамочка, — шептала девушка, — милая, дорогая моя!..

Больная стихла на время, потом вдруг заметалась по постели, схватила себя за грудь и глухо застонала.

— Что будет с моей Лидой, что будет?! После этого она впадет в забытие.

Лидия вышла в другую комнату, хотела молиться и не могла: чувство слишком сильного горя давило ее своей тяжестью. В эту минуту постучала Агафья Гурьевна.

Лавочница вошла с добрым участливым лицом, держа в руках какой-то сверточек...

— Милая барышня, — начала она, — сегодня я делала пирожки, может быть, скушаете, а это коробочка с мармеладом.

— Зачем вы принесли, — изумилась Лидия, — право, мне не до того.

— Как мамаша? — спрашивала Тихонова, опускаясь на топчан.

— Притихла немного, она страдает ужасно и все беспокоится о моей участи, — отвечала Лидия.

— Скажите, что значит сердце матери... — сочувственно отозвалась Агафья Гурьевна. — У вас никого нет родных?

— Здесь никого. В воронежской губернии проживает брат; он был офицер, но женился на помещице, вышел в отставку и поселился в имении жены, где хозяйничает. Писала я ему: мама больна и на лечение нужны деньги; он с неудовольствием выслал мне какие-то пустяки и, между прочим, в письме выразился так, что не имеет права распоряжаться женинными средствами и чтобы, в случае смерти мамаша, я не вздумала к ним приехать. Я должна буду искать себе места.

— Ничего... Не робейте... Свет не без добрых людей. Я познакомлю вас с одной мамой, очень богатой, такой милой и сострадательной, которой ничего не будет стоить вас хорошо устроить, — сказала Агафья Тихоновна, что-то обдумывая про себя.

— Кто она такая? — спросила Лидия.

— Помещица, несколько тысяч десятин имеет. Одним словом, влиятельная особа. Я поговорю с ней, быть может, она еще возьмет вас к себе, это было бы для вас счастье.

— Что будет, то будет, я совершенно равнодушно отношусь к своей участи, мне маму жаль, — сказала Лидия и, заслышав стон больной, поспешно бросилась к ней.

Из чувства деликатности Агафья Гурьевна не сочла удобным далее продолжать свой визит и удалилась.

Утром старушка, исповедавшись и приобщившись, отошла в лучший мир.

Добрая Агафья Гурьевна прислала двух женщин, которые убрали покойницу и уложили на стол, а Лидия бессмысленно глядела на то, что они делали, сама ни в чем не принимая участия.

Те же чужие люди распорядились похоронами. Молодая девушка, точно загипнотизированная, шла за гробом матери. Только в церкви при последнем прощании у ней вырвался ужасный вопль, который дважды не вылетает из груди. Она впадет в бессознательное состояние и ее отвезли домой.

— Милая моя, вы пропадете с тоски в этих стенах, идите ко мне, — хлопотала Агафья Гурьевна, приводя ее в чувство.

— Оставьте меня... — отвечала Лидия. Несколько дней она не выходила из своей квартиры, сидела запершись и почти ничего не ела.

Однажды Лидия возвратилась из церкви, по рассеянности она забыла даже замкнуть входные двери, прошла в спальню и легла на постель матери.

Девушка лежала с открытыми глазами, но ничего не видела. Вдруг в комнату вошла молодая женщина и остановилась прямо перед ней. Было ли то видение, галлюцинация — Лидия не могла дать себе ответа.

Она силилась припомнить, где могла видеть эту женщину, черты лица ее казались будто знакомыми.

Та была высокая ростом, стройная, гибкая brunетка с большими серыми глазами, широко открытыми и уставленными прямо на Лидию, большим лбом и зачесанными вверх волосами, прямым носом, благородным разрезом губ, сохранивших мягкость очертаний. На ней было черное платье, короткая кофточка, опушенная мехом, и белый суконный башлык, подбитый голубым шелком.

— Здравствуйте, — проговорила она ровным мелодичным голосом. — Я знаю, что вы страдаете от разлуки с вашей доброй матерью, но знайте, что ваша разлука временная, вы опять с ней встретитесь. Я сама недавно пережила очень тяжелое горе и сочувствую вам... Я пришла предложить вам идти ко мне. У меня такая же маленькая квартира, как у вас, и трое детей. Пусть первая острота вашего горя пройдет под моим кровом... Я рада помочь вам чем могу... ну, хоть советом... Вы хотите искать себе места, не лучше ли вам будет поступить в общину сестер милосердия; впрочем, если вы придете ко мне, мы вместе обдумаем и решим этот вопрос... Верьте, что только искреннее желание добра привело меня к вам... Я христианка и верю в то, что когда мы будем стоять на суде Христовом, Он скажет: был Я болен, вы не навестили Меня, страдал, и не пришли, чтобы несколько бросить Мне утешенья слов святых!

— Я не пойду к вам, — как то странно, глядя на гостью, произнесла Лидия.

— Будьте осмрительны сами. Не впадайте в слишком тяжелое чувство горя, а лучше читайте священные книги: библию, например, или послания апостола Павла...

— Я не пойду к вам, — твердила Лидия. Прекрасная фигура женщины исчезла.

— Кто она, отчего же я не спросила ее имя? — вскричала Лидия спустя несколько минут, вскакивая с постели. Поспешно, набросив на себя платок, она бросилась на лестницу и чуть не сшибла с ног Недригайлову, возвращавшуюся домой с покупками в руках. Но прекрасной незнакомки нигде не видела.

— Уж не сон ли мне снился? — пробормотала Лидия, возвращаясь домой. — Почему она мне советовала читать библию и послания апостола Павла?

Агафья Гурьевна, заметив ее из-за стеклянной двери своей лавочки, зазвала к себе и провела в отдельную комнату.

— У вас есть послания апостола Павла? — спросила девушка.

— Нет, — отвечала Агафья Гурьевна, строя изумленную физиономию. — Думаете заняться чтением, это не поможет вам, а только еще больше расстроит. Вам надо общество людское, развлечение.

— Почему же та советовала? — думала Лидия.

— Погодите, я съезжу к той богатой даме, о которой говорила вам, она что-нибудь придумает для вас. Ее называют благодетельницей рода человеческого. Скольких несчастных она устроила.

Лидия почти не слушала Тихонову, а все думала о таинственной гостье.

В лавку зашла какая-то старушонка в черной шубе и платке. Агафья Гурьевна пошпталась с ней, указывая на комнату, где сидела, погруженная в раздумье, Лидия.

В Киеве давно уже носились то смутные, то более определенные слухи о некоей благодетельной особе, устраивающей судьбы многих женщин. Одно время эта добродетельная фея обитала на Большой Васильковской улице, звали ее Татьяной Ивановной Балабановой.

Стояло прекрасное зимнее утро, небольшой морозец сковал землю; сверху сыпал маленький снежок, кружась звездочками. В просторной барской квартире, обставленной вполне прилично и комфортабельно, расхаживала полная дородная дама, одетая в широкий шерстяной пеньюар из пестрой турецкой материи.

В камине весело трещали дрова. На столе, застланном белой скатертью, кипел самовар, тут же находился кофейник, чашки, стаканы, корзина с печеньем, большой торт от Семадени, мясное блюдо, пирожки, две бутылки вина, одним словом, чай и завтрак вместе.

В соседней комнате возвышался массивный резной буфет, тесно уставленный батареями бутылок и почти заваленный всевозможными запасами. Возле буфета копошилась старушка в темном платье и платке. Другая пожилая женщина в зеленом платье и кофточке «фигаро» с чужого плеча хлопотала около самовара. Обе проживали у Балабановой в качестве приживалок. Старушку в темном платье называли Терентьевной, вторую Алексеевной. Они помогали Балабановой по хозяйству, в приеме гостей, а также выполняли все ее поручения и обдeldывали другие темные делишки.

Татьяне Ивановне на вид казалось не более сорока лет. Полное, несколько обрызгшее лицо с сине-багровым румянцем, маленькие глаза смотрели весело, добродушно и вседовольно из своих щелок, широкий как бы вздернутый нос, полные круто изогнутые губы, слегка улыбающиеся.

Балабанова медленно вперевалку двигалась по комнате. Мимходом она взглянула на большие часы, висевшие над камином. Стрелка указывала половину десятого.

— Алексеевна, голубушка, скорее налейте мне кофе, сейчас придет Сапрыкин, обещал передать что-то интересное, — сказала Балабанова звучным грудным голосом, присаживаясь к столу; — и вы, кстати, расскажите мне о той девушке, что приютилась у Агафьи Гурьевны.

Старушка в модном платье налила чашку кофе, добавила густых сливок и подала вместе с печеньем Татьяне Ивановне.

— Наливайте себе, чего хотите, и рассказывайте мне, что слышали, видели, вы знаете, я люблю за утренним чаем выслушивать ваши доклады, — произнесла Балабанова, милостивым жестом указывая на яства и откидываясь на спинку кресла.

— Благодарю вас, — отвечала Алексеевна, занимая место около благотельницы. — Посетила я Агафью Гурьевну, как вы приказали, видела девушку — Лидия Осиевская зовут ее, ничего, хорошенькая, молоденькая, лет 17, не более, только задумчивая такая: смотрит и будто ничего не видит. Агафья Гурьевна скоро приведет ее к вам, — говорила старушка.

— Ну, а еще что знаете? — спрашивала Балабанова.

— Зашла я еще к чиновнице Недригайловой, по указанию Агафьи Гурьевны. Барыня красавица: белая, полная, кровь с молоком, только очень пудрится, все: брови и волосы засыпаны пудрой. Я не посоветовала ей этого делать, говоря, что цвет лица скоро портится и кожа сохнет. Для поддержания белизны и юношеской свежести самое лучшее средство спермацетовые полотенца, каждое утро ими обтирать лицо. Я сама так в молодости делала, — скромно произнесла Алексеевна и сложила губы трубочкой.

Старушка любила вспоминать давно прошедшую молодость, хотя она не изобиловала мирными деяниями, а скорее носила бурный характер. Родилась и выросла она в Севастополе, в семье интендантского чиновника в самый разгар войны, откуда ее вывез в Одессу один офицер, обещал жениться, но через год бросил. Родные отказались, мать прокляла и не приняла, когда покинутая девушка вздумала вернуться под родительский кров. Вскоре умерла мать, домишко разрушили неприятельские бомбы и Алексеевна пустилась, что называется, во все тяжкие. Жизнь дарил ей контрастами роскоши и нищеты, пока все разрушающая старость не подкралась. В Киеве Алексеевна проживала около 15 лет, занималась нищенством, пока не попала в благотельные руки Татьяны Ивановны.

— Недригайлова выслушала мои слова, сейчас же пошла умылась, после чего послала прислугу в косметический магазин, — продолжала Алексеевна. — Приятная барыня, угостила меня чаем с вареньем и мы побеседовали. Очень желает познакомиться с вами. Вошли детки, так она их прогнала в кухню.

— Ну, вот, дети, — разрекла Татьяна Ивановна своими белыми, выхолощенными руками в золотых кольцах и браслетах, — устраивай их. Нынче, знаете, не очень то полюбятся на таких, которые имеют детей, соображает: одну содержать или с детьми. Что же она говорила?

— Расспрашивала о вас, жаловалась на скуку.

— Что такое особенное представляет из себя Недригайлова, кому она может понравиться? — рассуждала Балабанова, закусывая.

— Барыня молодая, красивая, — защищала Алексеевна, — глаза голубые, волосы светлые, будто лен.

— Воображаю, какая там красота в 27 лет и трех детей имела! Куда я ее устрою?

— Денисовой нашли место, — скромно заявила Алексеевна, посасывая кусочек сахара, обмоченного в коньяк.

— То особенный случай, — подтвердила Балабанова. — Сколько я устроила этих недовольных своею судьбою женщин, пусть Бог мне даст столько здоровья, а ведь неблагодарные: ни одна не пришлет строчки. Только когда Денисова уехала в Варшаву, Казимир выслал мне тысячу рублей; но что значат эти деньги для миллионера?

— Облаготельствуйте Недригайлову, — сказала Алексеевна, отрываясь от чашки чаю.

Балабанова снисходительно засмеялась добродушным смехом, заклокотавшим как-то в груди.

— Хороший вы защитник, Алексеевна: быть по-вашему, сказала она. — Разве навязать ее какому-нибудь толстопузому купчине? Кстати, Феррапонт Григорьевич осведомлялся уже, нет ли у меня чего подходящего для него. Может быть, твоя барыня с переборами и мечтает о ком-либо вроде князя Зембулатова? Пусть не прогневаются. Для таких трудно устроить девушку порядочной семьи. Это, конечно, между нами; у меня на днях была m-me Платонова и слезно просила сосватать двух ее дочерей. Вы знаете, Платонов ранее занимал прекрасное место с двухтысячным окладом, а теперь вышел в отставку по болезни: парализована вся левая часть туловища. Живут на пенсию. Семейство большое: пять дочерей и три сына, Олимпиада и Антонина уже невесты, 19 и 18 лет, белая и центифольная розы, как я их называю. Два сына учатся в университете, третий гимназист. Расход вести привычки по-барски, а средств нет; жизнь не шутит. Платонова плакала и чуть на колени не вставала передо мною: — устройте, Татьяна Ивановна, дочерей, тайно, чтобы никто ничего не знал. Из сочувствия к несчастной матери я взялась за это дело и оборудовала все как следует.

— Встретилась я как-то с князем Зембулатовым и говорю ему: не хотите ли, мол, жениться на милой, благородной особе, но без приданого? — Я меньше пятидесяти тысяч не возмю за свой титул; вы посватайте мне кому, да с золотыми рогами. Все же я сумела заинтересовать его Тосей, так что он пожелал ее увидеть.

Свидание я назначила в Купеческом собрании на одном из вечеров. Предупредила Платонову. Тосе сделали по моему совету белое газовое платье и к поясу приколоты чайные розы; прелесть получилось, очарование.

Увидал Зембулатов, попросил меня представить его Тосе. Танцевал с нею, все так мило, любезно, прекрасно. Теперь Тося имеет до двухсот руб. в месяц, одевается со вкусом и помогает матери; никто ничего не знает. У них бывают гости, прекрасно умеют принять. Меня благодарят. Устроила я, таким образом,

старшую, прибегает ко мне младшая, Липа. — Пристройте меня, — говорит барышня. — Другого Зембулатова у меня нет, — отвечаю я. Плачет барышня. — Ну, что я с ними буду делать!

— Не хочу, чтобы сестра из милости дарила мне свои старые платья. Хотя за черта рогатого с туго набитым бумажником сосватайте. Жалко стало девочку. Обещала подыскать подходящего жениха и Липочке.

Если бы вы, говорю, бывали у меня, а то за глаза трудно. Она на другой день прислала мне свою фотографическую карточку. Теперь никому не хочется прозябать на свете, всех обуревают жажда счастья, блеска, нарядов. И, в самом деле, что за приятность терпеть лишения? Ведь лучше испытывать радости, нежели страдания. Оно и понятно, — заключила Балабанова и вздохнула от полноты сердечной.

Продолжительная беседа ее с Алексеевной вызвала ревность со стороны Терентьевны, возившейся в другой комнате, возле буфета. Старуха шумно двигала посудой и ворчала.

— Фекла Терентьевна, что ж вы не идете сюда? Совсем забыла про вас, — позвала ее Балабанова.

— Доброе утро! — сказала Фекла Терентьевна, появляясь с сердитым лицом, и прибавила: — сколько у вас в буфете паутины я обмела, то ужас. Ваши нерадивые слуги и не посмотрят, если бы не я, пауки сплели гнезда себе.

— Пейте чай, — перебила Балабанова.

Фекла Терентьевна присела к столу, все еще будучи не в силах освободиться от недоброго чувства, что сказывалось по злобному взгляду ее маленьких крысиных глазок.

— Вы бываете у Милитинки? Как она живет, что подельвает? — спросила Балабанова у Терентьевны.

Милитина одно время служила у Балабановой, нашла большую капиталец и открыла кухмистерскую на Подоле. Она в миниатюре обделывала почти те же дела, что и ее бывшая хозяйка, кроме того, гадала на картах.

— Хорошо живет, каждый день имеет доходы, — отозвалась Терентьевна.

— Воображаю, что делается в ее притоне. Удивляюсь, как еще ее до сих пор полиция не накрыла. И кто из порядочных пойдет к ней! Одни подонки!

— Те же самые бывают у ней, что и у вас: Ферапонт Григорьевич, — вставила Терентьевна.

— Обищаетесь, далеко не все, — обиделась Балабанова. — Что ж вам-то мешает идти к ней?

— Мне и у вас хорошо, — уже умилительно произнесла Терентьевна. — От добра добра не ищут.

— То-то, знаете, что там не пообедаете, а я, слава Богу, человек двадцать каждый день кормлю около себя. Вот за это я не люблю вас, Терентьевна, что вы всегда говорите одни неприятности; как мило мы беседовали с Алексеевной; явились вы и намутили.

— Алексеевна всем угодна вам, — с ревностью отозвалась старуха.

— Она вежливее вас, лучше понимает приличия, а вы что сейчас позволили себе — сравнили меня с моей бывшей прислугой.

— И в мыслях этого не было! — отнекивалась Терентьевна.

Раздался звонок. Алексеевна поспешно отправилась открывать двери.

Вошел человек лет пятидесяти, с огромной лысиной на голове, светлой, будто вылинявшей бородой клинышком, в длиннополом сюртуке и лакированных полусапожках. Он благоговейно приложился к ручке Татьяны Ивановны и, приподняв полы сюртука, сел в плетеное кресло у стола, озирнувшись в то же время по сторонам.

— Терентьевна, подите: — там прачка принесла белье, пересчитайте, все ли, а вы, Алексеевна, налейте чаю господину Сапрыкину, — распорядилась Балабанова.

— Надо выйти. Как вы этого сами не понимаете: — барыня не любит, когда посторонние присутствуют при их разговорах, — вполголоса укорила Алексеевна подругу и, налив Сапрыкину стакан чаю, удалилась.

— Что скажете? — произнесла Балабанова, откидываясь на спинку кресла.

— Дела есть хорошие, — отвечал Сапрыкин, потирая руки: — стоит хлопотать. Сейчас я от одной важной особы, с которой имел конфиденциальный разговор, так сказать, по особому приглашению. Изволили позвать в кабинет и удостоить выслушать своих словес. Начали они так: «слышал я, что вы с одной дамой»... внимайте, Татьяна Ивановна, — и Сапрыкин поднял вверх указательный палец: — «хорошо обделываете некоторые дела по сердечной части. Случился и со мной такой грех, испробовал я все зависящие от меня средства, но не возымел успеха; иначе никогда бы не обратился к вам». Это изволили даже сказать с малой толикой презрения. «Если устроите, что я получу взаимность, то даю пять тысяч вознаграждения вам за комиссию».

— Ого! Кто же эта особа? — спросила Балабанова.

Сапрыкин оглянулся по сторонам и, точно испугавшись собственной фигуры, отраженной в зеркале, торопливо шепнул ей что-то на ухо.

Татьяна Ивановна полунасмешливо и снисходительно улыбнулась.

— Подлинно: седина в бороду, а бес в ребро. Уж не спят ли он? — произнесла она.

— Ах, как можно так говорить! — отозвался Сапрыкин, поднимая дугообразно брови и глубокомысленно морща лоб. — Одно слово — Зевс возымел слабость. Все мы люди, все человеки.

— Конечно, — раздумчиво ответила Балабанова: — надо действовать. Она-то кто такая?

Сапрыкин вздохнул.

— Жена одного морского офицера. Фамилия ее Затынайко. Действовать здесь, скажу вам, очень трудно. Особа признала мне, что она уже делала некоторые попытки к приобретению благосклонности дамы сердца своего. Не могу, говорить, ничем заниматься. Оно и понятно: даже для здоровья вредно в их годы подобное волнение. С нашей стороны требуется приложить все старания.

— Затынайко? Что-то будто я слыхала эту фамилию. Не та ли, у которой муж убит в Японии туземцами? — припоминала Балабанова.

— Да-с, — подтвердил Сапрыкин.

— Что же там может быть недостижимого? Нынче не те времена, тем более состояния у ней никакого нет. Неужели она предпочитает голодать, чем жизнь в довольстве! Такая особа, как Крамалей, может прилично обеспечить ее. Просто-напросто вы не умеете взяться за дело.

— Подите ж. Я сам теряюсь в догадках, — развел руками Сапрыкин.

— Может быть, она любит уже какого-либо молодого человека? — спросила Балабанова.

— Ничего подобного нет. Я осведомлялся у людей и сам следил.

— Я, батенька, не верю в добродетели. Ты знаешь семейство Платоновых? Что можешь сказать о нем?

— Ничего... прекрасное, благородное семейство. Только после болезни главы средства их пошатнулись; теперь же они опять поправились, наследство что ли получили, — пожав плечами, отозвался Сапрыкин, недоумевая, зачем она спрашивает о посторонних предметах.

Балабанова засмеялась.

— Какие ты там справки забирал, воображаю; разве ты можешь вникнуть во все тонкости? Я вот подошла к ней Алексеевну, посмотрю, что из этого выйдет.

— Ничего не выйдет, заранее предсказываю, пока сами не приметесь. У меня только на вас надежда, — подхвятил Сапрыкин.

— Еще бы! Не родилась на свет еще та женщина, которая вздумала бы противоречить и не соглашаться со мной. Сколько я их видела! Каждая мало-мальски хорошенькая женщина тяготеет к нарядам, удовольствиям, стремится обставить блеском свое существование, а не прозябать. Впрочем, у меня возникает другой план: нельзя ли Крамалей познакомить с хорошенькой, молоденькой девушкой, Лидией Осиевской. Быть может, она понравится ему.

Сапрыкин махнул рукой.

— Какое там!.. и слышать ничего не хотят... сердце занято...

— Что же, она красива?

— Понятия о красоте, Татьяна Ивановна, довольно растяжимы; вы знаете давно, что для меня красивей вас не существует женщины в свете, а господин Крамалей предпочтет Затынайку, — отвечал Сапрыкин со вздохом.

— Что ты чепуху мелешь! — оборвала его Балабанова. — Я вот сейчас спрошу Алексеевну. Алексеевна, подите сюда! — звонко закричала она и, судя по вибрациям ее голоса, видно было, что у ней сильно раздражено женское любопытство.

Алексеевна немедленно предстала перед ней. Сапрыкин успел шепнуть Балабановой:

— Об имени особы пока ни слова, уважаемая Татьяна Ивановна, — и, пока та говорила с Алексеевной, он выпил вина и закусил.

— Скажите, голубушка моя, знаете вы m-me Затынайку? — спрашивала Балабанова.

— Немного знаю: муж ее убит в экспедиции на Востоке, трое деток осталось, — все девочки, одна лучше другой.

— Внимайте, Татьяна Ивановна, три девочки — одна лучше другой, в будущем могут представить барыш; раз мать пойдет по известной дорожке, за ней последуют и дети. Лет через десять опять капитал.

После этих слов Сапрыкин принялся вновь закусывать.

— А как вы ее находите: хороша она собой? — продолжала Балабанова спрашивать у Алексеевны.

— Очень даже: высокая, стройная, глаза газели, волосы, как у русалки...

— Ну вас — махнула Балабанова рукой. — Вы всегда смягчаете ваши отзывы. Я вот спрошу Феклу Терентьевну. — Понимаете, я всегда смеюсь над моими старушками: такие разноречивые сведения приносят мне. Алексеевна, по доброте своего сердца, всегда говорит одно хорошее, Терентьевна же наоборот, а я уже из этих разногласий, как председательница, становлюю свое резюме, — говорила Балабанова Сапрыкину,

Алексеевна отошла в сторону обиженно.

Татьяна Ивановна позвала Терентьевну. Та явилась по обыкновению со злобно сверкавшими глазами и недоброжелательно настроенной физиономией.

— Вижу уже, что ничего хорошего не можете сказать, — засмеялась Балабанова: — но пусть по закону всякая истина да подтвердится устами двух свидетелей. Скажите, милая моя, встречались вы с Затынайкой?

— Еще бы! Ее там весь околоток знает! Идиотка. Ест сухари из черного хлеба, спит на жесткой-прежесткой постели, в доме нет почти никакой мебели. Нужда вопиющая.

— Собой-то хороша?

— Урод. Высока, тонка как ветка, ни рожи, ни кожи, глаза как плоски, ни видят ни крошки!

— Неправда. Прелестное создание, — не выдержала Алексеевна: — вроде Тамары, которую соблазнил демон; стихами уже не припомню сказать, хотя в молодости всю поэму знала наизусть. Бывало, сижу на балконе, читаю, а севастопольские офицеры лихо проходят и любят. Ночью раз так зачиталась Демона, что гляжу, идет ко мне и сам. Я вскрикнула и упала в обморок.

— Никогда я никакой чертовщиной не занималась, и когда они, проклятые, вздумали мне во сне являться, так я пила корень дикой розы, настоящий на водке, — сердито отозвалась Терентьевна.

— Что значит необразование: не понимают поэмы Лермонтова, — проговорила Алексеевна. Балабанова смеялась.

— Ну, сыщицы, — промолвила она, — берите сейчас на руки старые вещи и марш к Затынайке. Узнайте все и принесите мне самые свежие, животрепещущие новости. Расспросите хорошенько в мелочных лавочках, соседях и повидайте ее.

Старухи исчезли. Сапрыкин махнул рукой.

— Ничего из этого не выйдет: я три дня прожил в тех краях, крутился около самого дома, где она живет, обозревал, выслеживал и не добился толку.

— То вы, а мои мегеры сумеют к ней проникнуть.

— Что ж из того выйдет? Лучше сами съездите к ней.

— Прекрасно, но под каким же предлогом?

— Изобретательности вам не стать занимать, Татьяна Ивановна; старухи же ваши разойдутся по монополиям, тем дело и кончится.

— Не смеют они этого сделать. Во всяком случае, к обеду явятся. Не в первый раз посылать мне их. Впрочем, подумая, может быть, завтра сама заеду к Затынайке.

— Чем скорее, тем и лучше, — сказал Сапрыкин и откланялся, отговариваясь спешностью свидания с каким-то американцем.

Алексеевна и Терентьевна, получив от Балабановой на конку и строгий наказ не заходить в монополию — разошлись.

Место у дверей заняла молоденькая горничная Наташа.

III

Балабанова прошла в спальню, переменяла пеньюар на тяжелое шерстяное платье, оправила прическу и опять вышла в столовую. Здесь она подошла к окну и поглядела на движущуюся улицу, толпу прохожих.

— Барыня, вас спрашивают какая-то молодая дама, — сказала Наташа.

— Узнай ее фамилию, — произнесла Балабанова, продолжая смотреть в окно.

— Недригайлова, — объявила Наташа.

— Приси, — как бы нехотя произнесла Балабанова.

Вошла среднего роста полненькая блондинка с пышно начесанными волосами. На голове ее сидела черная шапочка с пучком ярких цветов. Глаза у блондинки казались черными, что придавало им злобный оттенок. Пристальный взгляд их точно колол, несмотря на то, что губы приветливо улыбались.

— Здравствуйте, — сказала она, кланяясь хозяйке. Татьяна Ивановна, видимо, произвела на нее приятное впечатление.

Балабанова протянула ей руку и пригласила садиться. На столе все еще продолжал стоять самовар и завтрак.

— Чем могу служить? — произнесла Балабанова, откидываясь на спинку кресла в своей излюбленной позе и оглядывая гостью с головы до ног.

Осмотр оказался удовлетворительным.

Вместе с тем лицо Татьяны Ивановны приняло сентиментальное выражение; она вспомнила свою минувшую молодость, погоню за счастьем...

— Вы, вероятно, знаете уже от Алексеевны о моем чрезвычайно сильном желании познакомиться с вами, — заискивающим тоном начала Недригайлова.

— От кого же вы слышали обо мне? — спросила Балабанова.

— Помилуйте, Татьяна Ивановна! От кого только можно не услышать о вас, — возразила Недригайлова. — Раз я сидела в Царском саду около каких-то совершенно незнакомых мне дам. Помню еще,